

прилагательные — названия цвета служат кличками животных. Такое же состояние наблюдается и в говорах Полесья, где исконная славянская лексика представлена в наиболее чистом, свободном от иноязычного влияния виде» (стр. 158). Речь идет, очевидно, о литовско-полеской параллели, в которой сохраняется до наших дней след древнего славяно-балтийского Полесья.

Остальные статьи сборников содержат материал, хорошо отражающий сохранившуюся до наших дней архаическую и достаточно примитивную культуру коренного полеского населения и важный для изучения славянского этногенеза. Тематические словари, помещенные в сборниках, свидетельствуют о древности материальной культуры полешуков. Здесь представлены названия одежды, обуви, пищи, терминология пчеловодства (в том числе и бортичества), гончарства, ткачества, рыболовства, транспорта и, наконец, земледельческая, строительная (хата и хозяйственные постройки), ботаническая и орнитологическая терминология.

Авторы двух фонологических статей, напечатанных в сборнике «Полесье», также подчеркивают древность полесских говоров относительно явлений, которые они рассматривают. Так, М. И. Лекомцева и С. М. Толстая в статье «Фонологический комментарий к полесским диалектам» пишут: «Полесье дает представление об особенностях функционирования диалектов в условиях, которые в настоящее время следует признавать достаточно архаическими, если учесть интенсивный процесс нивелировки современных диалектов» (стр. 47). Т. В. Назарова в статье «Некоторые особенности вокализма украинских правобережнополесских говоров» показывает, что по причине архаичности и стабильности украинских правобережнополесских говоров в них существует структурная связь между артику-

ляционной стойкостью этимологического *i* (отсутствие украинской тенденции к его понижению и расширению) и отсутствием нового *i*, возникшего из старого *ě* (ять) и из гласных *o*, *e*, выступающих в новых закрытых слогах. «Правобережное Полесье,— пишет Т. В. Назарова,— представляется одним из наиболее стабильных в лингво-этническом отношении районов, изоглоссы которого могут отражать чрезвычайно древние диалектные отношения» (стр. 97).

В. А. Москович дает следующую характеристику Полесья: «Полесье представляет собой своеобразную лингвистическую область. Интенсивность языковых контактов здесь намного ниже, чем в карпатском ареале. Этим, в частности, объясняется необычайная близость семантики полесских говоров на фоне других славянских говоров. Языковые контакты менее всего исказили реальную картину первоначальных взаимоотношений этих говоров, и этим самым намного повышается важность полесского диалектного материала для реконструкции предшествующих этапов развития славянских языков. Наше исследование иллюстрирует это наличием стойких полесско-карпатско-балканских изолексов — названий мастей животных» (стр. 160—161).

Таким образом, материалы рецензируемых сборников вполне отчетливо подтверждают положение о том, что Западное Полесье было прародиной славян, а Повисленье — районом первой славянской миграции с востока на запад. Работа полесских лингвистических экспедиций, появление сборников «Полесье» и «Лексика Полесья», а в будущем атласа полесских говоров и большого областного полесского словаря приобретают особенно важное значение для современного словяноведения.

Л. Оссовский

А. В. Десницкая. Албанский язык и его диалекты. — Л., изд-во «Наука», 1968, стр. 380.

А. В. Десницкая, без сомнения, является одним из лучших современных знатоков албанского языка. Следует считать удачей для албанистики то, что А. В. Десницкая взялась за написание этой книги, которая содержит чрезвычайно много сведений и завершается превосходным общим обзором. Книга, бесспорно, останется на долгие годы пособием «кат'εξ'ολ'ης» по албанистике, к сожалению, за пределами Албании очень мало разработанной.

В интересах такого рода исследований желательно, чтобы скорее появились и перевод книги на какой-либо один из западных языков, например, немецкий. Ему мы бы предложили предпо-

слать превосходную статью «Албанский язык в истории сравнительного языкознания (определение принадлежности албанского к индоевропейской лингвистической семье и начало его изучения)», появившуюся в книге под редакцией самой А. В. Десницкой «Балканская филология» (Л., 1970) на стр. 38—61.

Книга А. В. Десницкой делится на две части: в первой (стр. 8—38) кратко описывается современный албанский язык в главах «Общие сведения», «Морфологическая структура», «Литературный язык»; вторая часть дает тщательное описание самих диалектов, рассматриваемых со стороны их наиболее характерных особенностей. Она состоит из вводной первой

главы: «Общие вопросы албанской диалектологии» и двух основных глав: 2. «Северноалбанская (гегская) диалектная область» (стр. 64—219) и 4. «Южноалбанская (тоскская) диалектная область» (стр. 231—369), кратким приложением к этим главам является глава 3 «Полоса переходных говоров» (стр. 220—230) и 5 «Тоскские говоры албаноязычных поселений Греции, Болгарии, Украины и Италии» (стр. 370—377). Была бы желательна в качестве дополнения к этому описанию по крайней мере одна геолингвистическая карта, которая наглядно показывала бы распределение и сферу распространения наиболее значительных изоглосс.

Вторая часть является прежде всего описательной, но сопровождается замечаниями исторического характера и уточнениями отдельных фактов (например, полезная дискуссия о природе тоскских «дифтонгов» *ua, ue, ie* на стр. 268 и сл., примеч. 89); она заслуживает всяческой похвалы за качество собственных наблюдений автора (А. В. Десницкая побывала в Албании в 1956 и 1959 годах) и за глубокое знание использованной обширной литературы, которая, где это необходимо, подвергается острой критике. Здесь мы остановимся на некоторых пунктах первой части, которые дают материал для более глубокого понимания определенных понятий общего характера.

На стр. 45—49 очень хорошо описано возникновение различных диалектных групп и особенно двух современных «диалектов» — гегского и тоскского, формирование и противопоставленность которых, как утверждает А. В. Десницкая, следуя Р. Зойзи и, особенно, Э. Чабей, — явление относительно недавнее. Но этот факт и причины, его вызвавшие, ставят вопрос: не таким ли образом произошло и формирование самого албанского языка? Мы имеем, естественно, в виду не литературный язык, не общеразговорный язык с его различными региональными вариантами, а ту совокупность изоглосс, общих различным диалектам, которые дают основание рассматривать эти диалекты как составные элементы одного языка. Поэтому надо четко разъяснить то, что часто забывается из-за укоренившегося у нас папного антиисторического и антинаучного мнения, согласно которому диалекты — результат «порчи» языка. Язык, общий определенной территории, хронологически возникает позднее отдельных диалектов, на которых говорят в различных частях этой территории, и в известной мере является продуктом этих диалектов или потому, что нормы одного из этих диалектов распространялись и стали все более и более преобладать над местными различиями, поглощая то там, то здесь более или менее заметные черты, или же потому, что различные диалекты все более и более сближались между со-

бой. Вряд ли нужно останавливаться на тех процессах, которые происходят в этой связи в албанском языке: превосходные примеры приводятся в самой рецензируемой книге, но мы должны уточнить, какие последствия это может повлечь.

Исторические причины, т. е. причины политического, экономического, а также религиозного и культурного порядка, вызывают перегруппировку диалектов, о которых говорилось выше. Таким образом, может возникать большее количество языков, соответственно центрам, которые в конечном счете распространяют модели, преобладающие в определенной области. Таково было формирование совокупности «французских» диалектов на месте более древних средневековых групп в результате все большей концентрации. В Германии X в. можно четко выделить по меньшей мере три диалектных типа там, где в современной Германии совокупность «немецких» диалектов, охватывающих баварско-австрийскую, алеманскую, франконскую и саксонскую области, противопоставляется «голландским» диалектам, слившимся в один литературный национальный язык, продолжающий древнесаксонский и франконский и т. д. В Италии мы говорим об итальянских диалектах, начиная с пьемонтского и кончая сицилианским, так как жители полуострова приняли в качестве общенационального суперрегионального тип языка, восходящий к латинскому *Umgangssprache* высших классов имперской эпохи и связанный с письменным латинским; язык этот, однако, был сильно вульгаризован и в определенный момент распался регионально, обусловив появление нескольких «итальянских» диалектов. Тем не менее в конечном итоге этот язык сформировался в значительной мере под влиянием примера великих тосканских писателей тринадцатого века; пьемонтский, например, мог бы гораздо легче примкнуть к французскому, если бы политические условия, а частично и экономические, не вовлекли бы Пьемонт в итальянский ареал. Понятно, что, консолидировавшись, национальный язык действует все более и более на свои диалекты, которые употребляются говорящими наряду с ним, и все больше и больше развивает их общие черты. Таким образом, группа «итальянских» диалектов стала все более четко отличаться от группы «французских» и других романских диалектов. Но это означает, что когда мы говорим об «албанском языке», имея в виду различные албанские диалекты, мы должны всегда помнить, что речь идет об определенном количестве изоглосс, наличествующих во всех этих диалектах, о которых мы не можем сказать, что они (т. е. изоглоссы) распространялись¹ на все эти диалекты в более

¹ О способе распространения изоглоссы можно получить представление на осно-

древнюю эпоху; следовательно, мы не можем думать об едином исходном пункте — о «протоязыке». Когда мы говорим об «иллирийском» как источнике албанского, мы должны иметь в виду известное количество родственных диалектов индоевропейского типа, которые когда-то из Северного Эпира распространились вдоль всего далматинского побережья, и может быть, даже далее на север и восток; в дальнейшем при появлении на этой территории носителей вульгарной латыни, а затем славянского и др., в значительной части рассматриваемого ареала роль указанных диалектов была сильно ослаблена. Но, конечно, различия должны были быть довольно значительными и часто не меньше тех, которые разделяли каждый из этих диалектов в отдельности, в том числе и те, которые мы называем фракийскими. Это был процесс конвергенции, вызванный прежде всего политическими причинами, процесс, приведший к распространению и укреплению изоглосс и давший основание говорить об «албанских диалектах». То обстоятельство, что, наряду с этим процессом, происходили другие процессы, процессы дивергенции и, в частности, образование «*ghegheriaz*», т. е. изоглосс, с недавнего времени отделяющих гегский от тоскского, это естественно и вполне отвечает диалектике развития. Но это не значит, что не существовали и другие объединения диалектов и мы не могли бы подписаться под словами Э. Чабей (цитируемыми на стр. 50), по мнению которого, «албанский язык в дописьменную эпоху... имел более единообразный характер, чем в настоящее время». Это утверждение основывается на самых древних памятниках, начиная с Бузуку; однако следует заметить, что в этих памятниках, составленных духовными лицами, т. е. лицами, принадлежавшими к узкой касте, легко различить традицию, на которую диалекты других авторов не имели влияния, как это всегда бывает при наличии литературной традиции, претерпевающей на авторитет. Это имело, например, место в итальянской литературе, начиная с XVII в., где авторы не желали *ex professo* и по другим причинам писать на местном диалекте.

На стр. 11 находим утверждение: «нет никаких оснований говорить об албанском языке как о „смешанном языке“». Конечно, ни о каком языке нельзя сказать, с определенной точки зрения, что он «смешанный язык», потому что он, в каждый момент, является независимым творением индивидуумов, которые говорят на нем и которые в процессе этой деятельности (*energeia*) основываются на материале (*ergon*), полученном ими,

вании соображений автора о влиянии, оказываемом в этом отношении базарами, праздниками, экзогамией и др. (стр. 54 и сл.).

с другой стороны, мы не можем упрекнуть Шухардта, находившего, что все языки смешанные и, в частности, что их материал состоит из изоглосс различного происхождения или идущих во всех направлениях вследствие активности двуязычных и многоязычных индивидуумов (мы имеем в виду лиц, говорящих хорошо или плохо — скорее плохо, чем хорошо, — на двух или больше языках). В то же время всеми признается, что свойственное территории современного албанского языка двуязычие всегда стояло на повестке дня: латинский, романский (особенно итальянский, далматинские, румынские диалекты), греческий (античный и византийский, а также и новогреческий), славянский, турецкий веками являлись средством общения албанцев (не только высших классов, но может быть и больше всего, пастухов, солдат, торговцев и т. д.) с народами, вступавшими с албанцами в контакт.

Естественно, что в этих условиях не только явления местного порядка, но и факты внешнего характера давали материал для деятельности отдельных носителей языка как с той, так и с другой стороны.

Наивными националистическим тщеславием является утверждение, что определенный народ в языковом отношении или какими-либо другими сторонами своей духовной и материальной жизни должен быть непосредственно связан только с тем или другим народом, который принято рассматривать в качестве его предка. Самое большее, что возможно (или должно) установить — это то, что конститутивные элементы данного языка или другие рассматриваемые явления в какой-то мере представляют более или менее древнюю стратификацию в географическом смысле (т. е. в отношении территории, где обитает народ, являющийся предметом изучения). В этом смысле, может быть, можно сказать, что иллирийские диалекты, которыми пользовались на той территории, где находятся в настоящее время албанские диалекты, представлены в этих последних больше, чем другие языковые традиции: это прежде всего не языки (представляющие собой чистейшие абстракции), которые смешались друг с другом, а скорее отдельные факты различного происхождения, которые постепенно при содействии говорящих объединились и интегрировались в то, что мы называем сегодня «албанским» языком.

Здесь мне хотелось бы подчеркнуть, что миф о «языке» как о чем-то живом и реальном («естественный организм» Шлейхера), имел результатом стремление свести албанский материал непосредственно к индоевропейскому (понятие, также возникшее в результате сложения общих элементов, находящихся в большом числе языков). При этом не учитывалось, что часть этого материала различного происхождения или прошла через латинский

или греческий, и неизменно проводилось различие между унаследованным и заимствованным. Такое преувеличение характерно при изучении фактов фонетики и морфологии и особенно в отношении системы², а в области лексики доводится до смешного.

Восемьдесят процентов этимологий Йокля повторяются до сих пор; например, этимологии М. Цамай в его «Албанском словообразовании» (см. мою рецензию в «Paide a», XXIV, 1969, стр. 340 и сл.) выведены по этой системе. Определенное понятие, например, «albero» может быть обозначено прилагательными со значением *alto, verde, ombroso, fresco, fronzuto* и т. д. и т. д. В одном из обычных словарей ищется индоевропейский корень, с которым плохо ли, хорошо ли можно было бы связать один из этих спигнификатов; и этимология «albero» считается установленной. Отсюда легко сделать разного рода выводы относительно фонетики и, пожалуй, морфологии и даже этнического происхождения албанцев, вплоть до «несмешанного» характера

их языка. Однако в иллирийском, как и в латинском, греческом и других языках, наряду с элементами индоевропейского происхождения, должны существовать многие «средиземноморские» элементы, т. е. элементы свойственные неиндоевропейским народностям, заселявшим территорию современной Албании. Именно эти народности (а не носители индоевропейских элементов) с антропологической точки зрения, несомненно, составили в значительной мере костяк современной албанской нации.

Не для того чтобы дать историю различных изоглосс, образующих албанский язык (для этого надо было бы написать огромную книгу!), но только в качестве примера различных связей, которые может иметь албанский язык с другими языками в своей стратификации, приведу здесь небольшой образец сопоставлений, пришедших мне в голову при чтении книги А. В. Десницкой³. Начну со списка глаголов с супплетивным спряжением, который находим на стр. 24. Среди них встречаются:

аор. *qeshë*, прич. *qënë* (: арм. *linim*, Pedersen KZ, 36, 341)
pata, pasur (доричск. *πίσασθαι*, перф. *πίπρωμι* «владеть»: сопоставимо с *κλέω* и т. д.)

rashë, rënë (ст.-слав. *raziti*)

prura, prurë (*pr-un-*: арм. *unim* «имею»)

pashë, parë (санскр. *paç-* «видеть», лат. *speciō* «вижу», др.-в.-нем. *spehōn* и т. д.)

erdha, ardhur (: греч. *ἐρχομαι* Pedersen KZ, 36, 335, SLS, стр. 119)

nga (n-гта: греч. *γράφω* «ем», имперф. *γράφει*, санскр. *gras-* «есть»)

перфект (откуда *dussi* из *dixi*, эквивалентное албанскому аористу *foli* «сказал»). Тоскское будущее I образовано как в современном греческом (а в дальнейшем и в других балканских языках) с глаголом «volere» плюс сослагательное наклонение *do të hap*, как *θῶ* (< *θέλω* *inv*) *οἴνῃω*.

Этим я не хочу сказать, что албанский взял у итальянского его систему времен, но только то, что та и другая системы являются результатом распространения одной изоглоссы, появившейся, вероятно, еще в первые века нашей эры. Но не следует отбрасывать и предположение, что албанская глагольная система была лучше фиксирована в письменном языке теми писателями (обычно, духовными лицами, стоявшими во главе римской конгрегации *Propaganda fide*), которые в литературном итальянском языке находили образец, достойный подражания.

³ Для более древних периодов ср. то, что я уже указывал в своих статьях: «L'albanais et les autres langues indo-européennes», в «Mélanges Grégoire», II,

а) Настоящее время *jam* «есмь» (общиндоевропейское: санскр. *asmi* и т. д.)

б) *Kam* «имею» (от* *khab-mi*: лат. *habēō*, гот. *haban*, др.-в.-нем. *habēn*)

в) 1. *bie* «ударяю» (лат. *feriō*, др.-сев. *beria* и т. д.)

д) 2. *bie* «несу» (общиндоевропейское: санскр. *bharāmi*, лат. *ferō* и т. д.)

е) *shoh* «вижу»⁴ из *sēq^u-skō*: гот. *saihwān*, прл. меднум *ar-secha* «следовало бы ему увидеть нас»

ф) *vi* «прихожу» (кажется заимствованным из лат. *veniō*)

г) *ha* «ем» (из **gzh-*: санскр. *ghas-* удвоен. *ja-kṣ-i-ti* «он ест», р. р. р. *ja-ḡdha-*)

² Например, подчеркивается, что глагольная система в албанском такая же, как и в итальянском; в обоих языках имеется (ср. стр. 21 и сл.), настоящее, имперфект, аорист (итал. *passato remoto*), плюсквамперфект II (итал. *trapassato remoto*), будущее I (итал. *futuro semplice*) и будущее II (итал. *futuro composto*); и в обоих языках первые три времени, — как простые, или синтетические, так и аналитические, ибо будущее простое I в итальянском, как и во французском и испанском, является результатом соположения настоящего времени глагола «avere» и инфинитива: *apriro* из *aprire ho*, так же, как в гегском *kam me hapë*. Здесь следует подчеркнуть, что «perfetto» в итальянском и в других романских языках не является продолжением латинского перфекта, а калькой перифрастического времени, сложившегося в греческом после исчезновения старого перфекта (*ἐῶν* *δεῖμένο* вместо *δέδεχα*), что позволило, следуя греческой модели, употреблять как *passato remoto* латинский

Мы видим, что албанский язык постепенно соприкасался с теми или другими индоевропейскими языками, или со всеми, или почти со всеми. В последнем случае, как и в случае соответствия с санскритом и вообще с арийскими языками, встает вопрос об общем происхождении (за «протосанскрита», т. е. языка, который, по нашему мнению, был принесен в Европу различными группами завоевателей, пришедших с юго-востока и давших вместе с местными языками, на которые он паложился, начало лингвистической общности, которую мы называем «индоевропейским» (ср.: ВЯ, 1966, 4, стр. 3 и сл.; V. Pisanì, *Lingue e culture*, 1969, стр. 21 и сл.); в других случаях перед нами уже контакты не с «иллирийским» или с теми или иными языками, а с отдельными изоглоссами, распространившимися внутри указанной лингвистической общности, каждая со своей областью и временем распространения. Или перед нами может быть случай, когда указанное лингвистическое соединение распалось и образовавшиеся диалекты снова самыми различными путями вступили в контакты между собой (ср. SLS, стр. 133 и сл.).

На стр. 25 А. В. Десницкая (следуя Йоклю) возводит к *-опо-* суффикс *-ул/-ур* причастия. Он соответствует таким образом санскритскому *-ana-* атематического спряжения (например, *avis-āna-* «невидимый» с *ā*, по «закоу Бругмана», и *-ana-* германского причастия прошедшего времени сильных глаголов (например, гот. *bund-ān-s* «связанный»); здесь вероятно «прасанскритское» происхождение.

Переходя к другой категории, процитирую утверждение на стр. 26: «Поимам суффиксированного артикля, служащего для выражения грамматической категории определенности⁵, в албанском языке имеется второй тип артикля, также местоименного происхождения, но употребляющийся отдельно как служебное слово. Основная функция этого артикля —

стр. 519 и сл., «*Lexikalische Beziehungen des Albanesischen zu den anderen indogermanischen Sprachen*» (*Jahrb. für Klainasiatische Forschung*), III/4, стр. 147 и сл.), которые перепечатаны в моей книге: «*Saggi di linguistica storica*», Milano, 1959, стр. 96 и сл. и 115 и сл.

⁴ Только в этом языке находим **seq^u* «видеть»; не имеет значения, тот же ли это корень, что в *seq^u* «следовать». Семантическая инновация, если таковая имела, является общей только для германского, ирландского и албанского.

⁵ Ср. мою краткую заметку в «*Studia Albanica*», 1969, 1, стр. 129—131: «иллирийский» национализм вызвал реакцию больше, чем у одного албанского лингвиста, как можно видеть из цитированного выпуска.

связывать определение с определяемым, например, *djali i urtë* «умный мальчик», *biri i partizanit* «сын партизана», *vajza e urtë* «умная девочка», *bija e partizanit* «дочь партизана». Бросается в глаза сходство с персидской конструкцией, в которой существительное связывается при помощи *i* (из относительного местоимения др.-иран. *ya-*) либо с прилагательным, либо с другим существительным, которое находится от него в зависимости, подобно генитиву в русском языке: *mard i chüb* «добрый человек» (собрств. «человек, который добрый»), *biradar i mard* «брат человека». Соответствие почти полное, даже употребляется то же местоимение, так что трудно предположить чистую случайность; но я затрудняюсь объяснить этот переход из одного языка в другой в сравнительно недавнюю эпоху, потому что персидское явление относится к «среднеиранскому периоду», ограничиваясь лишь постановкой вопроса, оставляя решение его другим.

Древнегреческие явления, проникшие в албанскую языковую традицию, толковал А. Тумб в его достойном внимания статье в 36 томе «*Indogermanische Forschungen*». Более недавние связи греческого и южноалбанского (тоскского) могут быть признаны в явлениях, описанных А. В. Десницкой на стр. 45, где отмечаются два «основные грамматические различия» между гегским и тоскским: «1) В гегском есть специальная форма инфинитива *me hap(ë)* „открывать“, *me luftue (me luftä)* „бороться“⁶. В тоскском соответствующие значения передаются с помощью форм сослагательного наклонения. Ср. гегск. *due më luftue* (= *dū me luftü*) „хочу бороться“ — тоск. *dua të luftoj...* 2) Различие обнаруживается в образовании форм будущего времени. В гегском представлен так называемый западнороманский тип: аналитическое сочетание форм настоящего времени вспомогательного глагола *kam* „имею“ с инфинитивом — *kam me luftue (luftä)*, *ke me luftue* „буду, -ешь бороться“ и т. д. В тоскском — „балканский тип“, аналитическое сочетание форм сосл. накл. наст. вр. спрягаемого глагола с частицей *do* (застывшая форма глагола *dua* „хотеть“) — *do të luftoj*, *do të luftosh* и т. д. Так, субституция инфинитива частицей *pluq* настоящее время представляет собой явление, свойственное народному греческому, распространяющееся также на итальянские диалекты Калабрии, северо-восточной Сицилии и Земли Отранто (ср.: Rohlfs, *Historische Grammatik der italienischen Sprache*, § 717).

Не сомневаюсь, что мы имеем здесь изоглоссу, распространившуюся, вероятно, с греческой территории. А. В. Десницкая предполагает, что распростра-

⁶ «Состоящая, — сказано на стр. 25, из предлога *me* „с“ и краткого причастия»

нение ее в албанском недавнее, потому что находит в тосканском следы инфинитива. Возможно, однако, что наличие *domet-hène* («это значит», собств. «хочу сказать») может базироваться на заимствовании из чегского или еще скорее из литературного языка, и, может быть, это относится также и к некоторым герундиальным формам, таким, как *duk me punuar* («лавогаю») и т. д. Что касается будущего времени с глаголом «volere», то оно распространено, как справедливо замечает А. В. Десницкая, на всем Балканском полуострове и наверняка проникло с греческой территории, где можно проследить его формирование (ᾠελών) вплоть до античного периода. Нельзя считать абсурдом предположение, что оба тосканских явления восходят, как и соответствующие явления в южноитальянском и в балканском, к изоглоссе, распространившейся в первые века нашей эры⁷. К этой эпохе мы бы отнесли также и соответствие албанского и романских языков, которое устанавливается на стр. 25: «Албанское причастие имеет страдательное значение для переходных и активное для непереходных глаголов», ср. итал. *ferito*, франц. *blessé* «раценный», но *andato*, *allé* «шедший». Что касается другой особенности причастия («оно играет очень большую роль в построении аналитических форм»), то она может быть греческого происхождения, проникла также в романские, германские и славянские языки и представляет собой одну из главных современных европейских изоглосс.

Мы отметили (примеч. 2) совпадение итальянского и албанского в системе глагольных времен; здесь укажем, что переход гетского *mb*, *nd* в *m*, *n* — недавний и еще не везде завершённый (стр. 32 и 44), имел место в наших среднеюжных диалектах (где он осекско-умбрского происхождения) и входит в пучок изоглосс, которые распространились с одного берега Адриатического моря на другой, в то время как ротацизм с рефлексами, которые кое-где привели к замене *l* древним *r* (ср.: Н. М. Olberg, «Beiträge zur Indogermanistik und Keltologie J. Pokorný gewidmet», стр. 57 и сл.), представляет собой явление, распространенное в большинстве итальянских диалектов и спорадическиходящее до Франции.

⁷ Не знаю, какое значение можно приписать факту, что частица *te*, которая в гетском предшествует так называемому инфинитиву (*te karë*) довольно близко напоминает частицы *ti*, *ti*, *ta*, которые в Калабрии и Сицилии предшествуют настоящему времени при замене им инфинитива, например *vogghiu ti tangiu* «voglio mangiare, хочу есть». Если верно (ср.

Интересно высказывание на стр. 26: «...так называемый изолированный артикль обычно ставится...перед терминами родства, если они не имеют при себе притяжательного местоимения... например: *i ati* „отец“ (какого-то определенного лица), *e motra* „сестра“ (но *im ati* „мой отец“, *ime motra* „моя сестра“). Ср. итал. *il padre*, но *mio padre*, франц. *le père*, но *mon père*. Здесь также можно было бы говорить о недавнем влиянии со стороны итальянского.

Румыно-албанские схождения включаются в более общие рамки балканских изоглосс и здесь не место о них говорить. Есть, однако, явление, которое мне кажется достойно того, чтобы его отметить: «Формы род. и дат. падежей совпадают во всех случаях, что как будто дает основание говорить о единой форме род.-дат. падежа. Однако значения этих форм вполне дифференцированы» (стр. 28). То же самое можно было сказать в отношении румынского, который наряду с «прямым» падежом (номинатив-аккузатив) имеет «косвенный» падеж, который грамматисты определяют как два падежа — генитив и датив, хотя формально мы имеем здесь дело с одним падежом, в то время как сигнификаты различаются (и для ограничения генитива от датива можно употреблять предлог *la*). В этом отношении я сделал бы одно замечание: «косвенный» падеж, не определенный в румынском, всегда равен «прямому», за исключением отдельных форм женского рода, оканчивающихся на *-e*: отсюда «прямой» *fată* «девушка», «косвенный» *fate* «девушки, -ке». Это *-e* обычно возводят к латинскому *-ae* генитива и датива; но эта точка зрения вызвала критику (ср.: Gazdaru, «Romania», 1, 1968). Албанский номинатив-аккузатив *vajze* «девушка» имеет в генитиве-дative *vajze*; если учесть, что *-ë* в албанском *-a* в румынском представляют собой один и тот же звук, то соответствие поразительно: чистая случайность?

Этим кончаем ряд замечаний, целью которых было дать читателю по возможности полное представление об обилии информации и соображений, содержащихся в прекрасной книге А. В. Десницкой.

В. Пизани

Перевела с итальянского Н. А. Катагощина

примеч. 6), что *te* означает «с», было бы допустимо видеть в этой частице сокращенную форму греч. *μήτε*, которая в итальянском языке, помимо *ti*, превратилась в *ti* и *ta* по примеру *si* и *sa* (<*quod*, *quia*), одинаково употребляемых.